

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
К72

Все права защищены.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Костомаров, Николай Иванович.

К72 Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. – Москва : Издательство АСТ, 2018. – 1200 с.: ил. – (Вся история в одном томе).

ISBN 978-5-17-107838-6

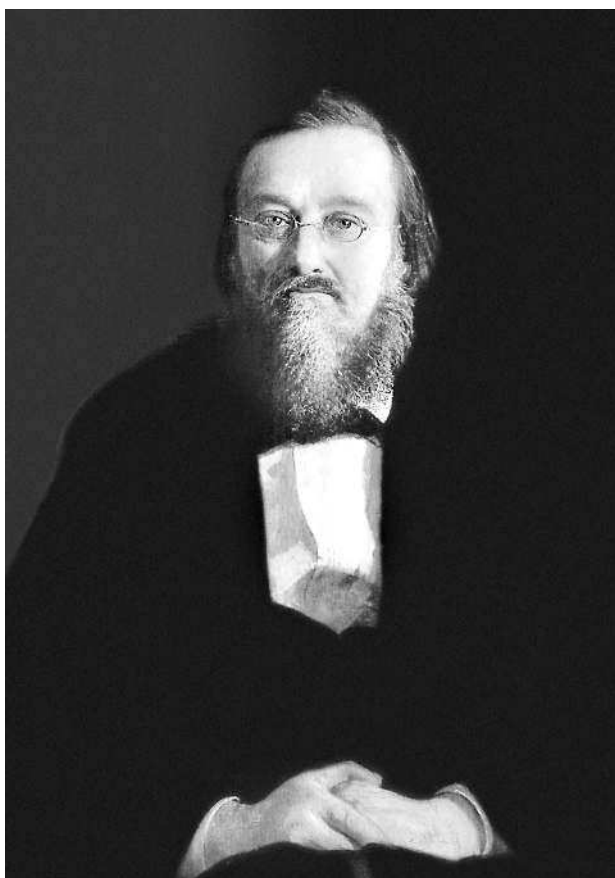
«Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» – фундаментальный труд выдающегося историка, этнографа, писателя, критика XIX века Николая Ивановича Костомарова (1817–1885). В него вошли статьи о виднейших отечественных государственных деятелях, начиная с Владимира Святого и заканчивая Елизаветой Петровной. Образный язык, богатейший фактический материал, критическое отношение к официозу, придают трудам Костомарова непреходящее значение.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КОСТОМАРОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ
В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ
ЕЕ ГЛАВНЕЙШИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Князь ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Наша история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не раньше второй половины XI века и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, и за исключением немногих письменных греческих известий не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые по своему свойству подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский народ только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшего становления гражданской и государственной жизни, основы, без которых собственно для народа нет истории. С давних времен восточная половина нынешней европейской части России была населена народами племен чудского и тюркского, а в западной половине кроме народов литовского и чудского племен, примыкавших своими поселениями к Балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожа, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах — укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собой племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славяно-русские племена управлялись своими князьями, вели между собой мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы. Религия их состояла в обожании природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т.п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обожания природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов, но у них не было ни храмов, ни жрецов, а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменяемости. У них были неясные представления о существовании человека после смерти; загробный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, пред-

Великий князь Владимир Святославич. Титулярник 1672 г.

полагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, то есть в знание тайной силы вещей, и питали большое уважение к волхвам и волхвицам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов: гаданий, шептаний, завязывания узлов и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась во множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа. Соответственно та-

Князь Рюрик. Гравюра 1805 г.

кому духовному развитию было состояние их житейской умелости: они умели строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, разводить домашних животных, прясть, ткать, шить, приготавливать кушанья и напитки — пиво, мед, брагу, ковать металлы, обжигать глину для домашней посуды; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения

к поколению, подвигаясь вперед очень медленно, но сношения с Византийской империей и отчасти с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние. Из Византии приходило к ним христианство. В половине IX века русские после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед за тем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и приносили его в свое отечество. В половине X века киевская княгиня Ольга приняла святое крещение. Все это, однако, были только подготовительные явления. При князьях так называемого Рюрикова дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и, до некоторой степени подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиной, шайкой удалцов, жадных до грабежа и убийств, составляли из охотников разных племен рать и совершали набеги на соседей — на области Византийской империи, на восточные страны прикаспийские и закавказские. Цель их была приобретение добычи. Также они относились и к подчиненным народам: последние присуждались платить дань; и чем более можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду со своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаев и оставляли им их внутренний строй, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии — самой образованной в те времена державы — перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот был совершен Владимиром, получившим прозвание Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, его жизнь нам мало известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону все, что подвергается сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, при всей своей скудости все-таки достаточно показывающими чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сыном воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в Юго-Восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказские народы — ясов и касогов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был после упорной защиты уступить ее греческому императору. На обратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе со своим дядей Добрыней, братом его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. После смерти Святослава между его детьми начались усобицы. Киевский князь Ярополк убил своего брата, древлянского князя Олега. Владимир со своим дядей убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь полоцкого князя Рогнеда, руки которой просил Владимир, отказала ему такими словами: «Не хочу разуть (разуть жениха — обряд свадебный; “разуть” значит “выйти замуж”) сына рабы», — попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиравшая выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед за тем он овладел Киевом и убил своего брата Ярополка. Ле-

Княгиня Ольга. Гравюра 1805 г.

Князь Игорь. Гравюра 1805 г.

к распространению своих владений, так и к укреплению своей власти над ними. Таким образом, он повелевал Новгородской землей — берегами рек Волхова, Невы, Мсты, Луги, — землей Белозерской, землей Ростовской, землей Смоленской в верховьях Днепра и Волги, землей Полоцкой на Двине, землей Северской по Десне и Семи, землей полян или Киевской, землей Древлянской (восточной частью Вольни) и, вероятно, также Западной Вольныю. Радимичи, жившие на Соже, и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отложиться от подданства и были укрощены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственной: оно ограничивалось сборищем дани, где можно было собирать ее, и такое собрание имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в Киеве с помощью чужеземцев — скандинавов, называемых у нас варягами, и роздал им города, откуда со своими вооруженными дружинами они могли собирать дани с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным спустя уже довольно долгое время после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческой царевной Анной, сестрой императора Василия и Константина. Его крещение, вероятно, происходило в Корсуне, или Херсоне, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привез в Киев первых духовных и необходимые

топищец наш изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым; но мы не можем доверять этому, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно больше черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представить того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.

С большей достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и стремился как

принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и призывало бы толпу к сопротивлению. Самое древнее русско-славянское язычество не имело определенного характера,

Князь Святослав. Гравюра 1805 г.

общего для всех, в смысле положительной религии, и состояло из множества суеверий и представлений, которые при невежестве и впоследствии легко уживались с внешним принятием христианства. Большинство вступало в новую веру и совершало обряд крещения, не понимая, что делает. Борьба язычества с христианством выражалась в продолжительном соблюдении языческих приемов жизни и сохранении языческих суеверий; такая борьба происходила в течение многих веков после Владимира, однако она не мешала русскому народу принять крещение, в котором сначала он не видел ничего противного, потому что не понимал его смысла. Только постепенно и для немногих открывался действительно свет нового учения.

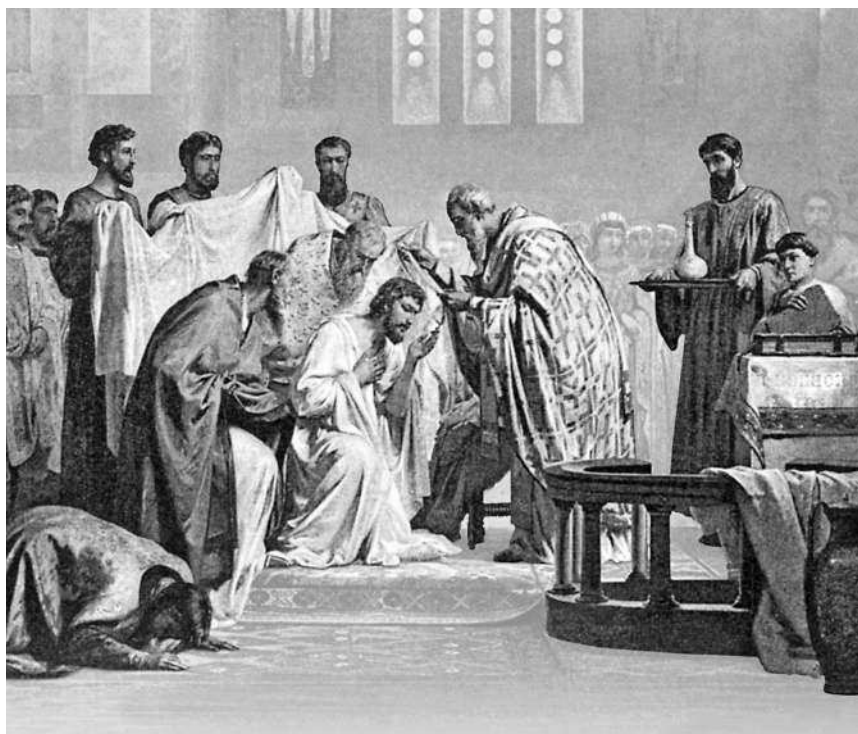
Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь Св. Василия и церковь Богородицы, или «Десятинную», так названную оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и ее духовенства десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этой целью в Киеве и в других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом на Руси за какие-нибудь лет двадцать выросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками перешедшей вместе с религией образованности, борцами за начала госу-

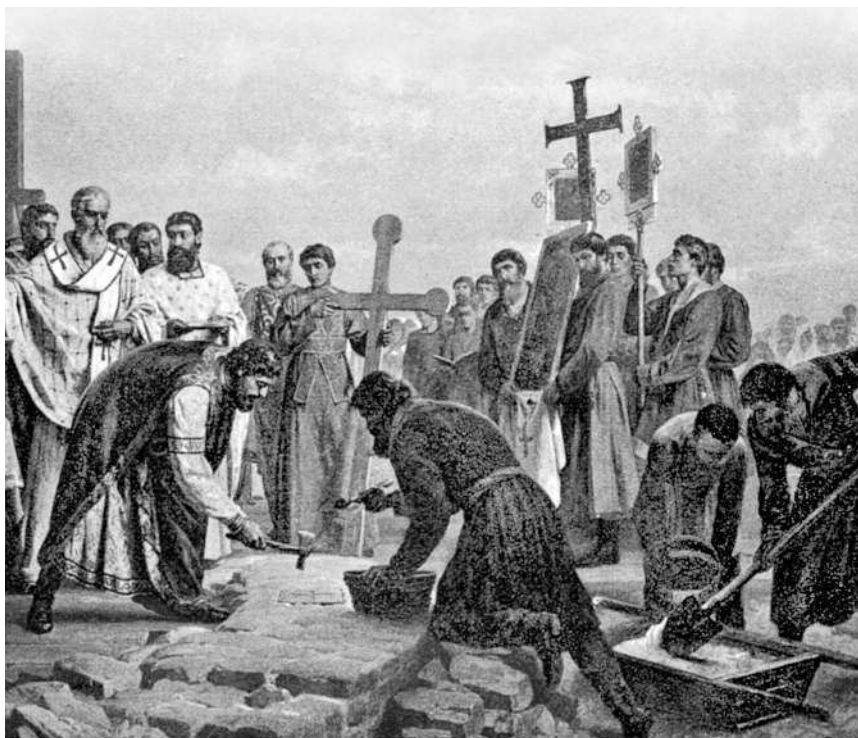
дарственные и гражданские. Одна эта черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу, и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в школы, плакали о них, как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев и, хотя сначала согласился было на увещания корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом, по совету бояр и городских старцев, установил наказывать преступников только денежной пеней — вирой, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя племенную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Князь любил пиры и празднества, но пировал не с одними своими боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом — и со старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием).

В.П. Верещагин. Крещение Святого Владимира

В.П. Верещагин. Закладка Десятинной церкви в Киеве

Владимир созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, раздавал неимущим потребное и, заботясь даже о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда Киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимира, во время его отсутствия, чуть было не взяли Киев. Владимир отразил их с успехом и, заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию, и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: его сын Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Требите путь и мостите мосты», — приказывал он; однако смерть застигла его в этих сборах. Князь умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Берестове.

Киевский князь ЯРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

Княжение Ярослава может называться продолжением княжения Владимира как по отношению киевского князя к подчиненным землям, так и по содействию к расширению в Руси новых начал жизни, внесенных христианством. Ярослав появляется первый раз в истории мятежным сыном против отца. По известиям летописи, будучи на княжении в Новгороде в качестве подручника киевского князя, Ярослав собирал с Новгородской земли три тысячи гривен, из которых две тысячи должен был отсылать в Киев своему отцу. Ярослав не стал доставлять этих денег, и разгневанный отец собирался идти с войском наказывать непокорного сына. Ярослав убежал в Швецию набирать иноплеменников против отца. Смерть Владимира помешала этой войне. По соображениям с тогдашними обстоятельствами можно, однако, полагать, что были еще более глубокие причины раздора, возникшего между сыном и отцом. Дети Владимира были от разных матерей¹.

Владимир перед кончиной более всех сыновей любил Бориса. Вместе со своим младшим братом Глебом он в наших летописях называется сыном «болгарыни», а по другим, позднейшим, известиям — сыном греческой царевны. Наши историки, желая согласовать эти известия, полагали, что царевна, отданная в замужество за Владимира Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческих императоров, дочь болгарского царя Петра. Была ли она двоюродной сестрой Василия и Константина или же родной — до сих пор не решено, но во всяком случае очень вероятно, что Борис и Глеб были дети этой царевны, и Владимир как христианин оказывал им предпочтение перед другими сыновьями, считая их более законными по рождению, так как с их матерью он был соединен христианским браком, и они, кроме того, предпочтительно перед другими имели право на знатность происхождения по матери от царской крови.

Владимир, разместив сыновей по землям, держал близ себя Бориса, явно желая передать ему после себя Киевское княжество. Это, видимо, и вооружало против отца Ярослава, который по возрасту был старше Бориса, однако еще более вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который был по годам старше Ярослава. В летописи Святополк признается сыном монахини гречанки, жены Ярополка, которую Владимир взял себе после брата, как говорят, беременной, и потому неизвестно, был ли Свя-

Великий князь Ярослав Владимирович. Титулярник 1672 г.

тополк сын Ярополка или Владимира; но в том или в другом случае Святополк по возрасту был старше всех прочих сыновей Владимира. Смерть не допустила Владимира до войны с сыном. Бориса в то время не было в Киеве: отец отправил его на печенегов. Бояре, благоприятствовавшие Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вероятно, до того времени, пока может возвратиться Борис, но, не дождавись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополк дарами и ласкательством расположил к себе киевлян; они признали его киевским князем: хотя старшинство

рождения давало ему право на княжение, но нужно было еще утвердить его и народным согласием, особенно в такое время, когда существовали другие соискатели. Положение его, однако, и при этом было нетвердо. Купленное расположение киевлян могло легко измениться. Дети христианской царевны имели перед ним нравственное преимущество, могли, кроме того, призвать чужеземцев, и особенно Борис мог во всяком случае быть для него опасным соперником. Святополк избавился от обоих, подослав тайных убийц. Борис был умерщвлен на берегах Альты близ Переяславля; Глеб — на Днепре близ Смоленска. Такая же участь постигла и третьего брата, Святослава Древлянского, который, услышав об опасности, бежал в Венгрию, но был настигнут в Карпатских горах и убит. Двух первых впоследствии причислили к лику святых: описание их смерти послужило предметом риторических повествований. Эти князья долго считались покровителями княжеского рода и охранителями Русской земли, так что многие победы русских над иноплеменниками приписывались непосредственному вмешательству Святых сыновей Владимира. Третий брат, Святослав, не удостоился такой чести, вероятно, оттого, что первых возвысило в глазах церкви рождение от матери, принесшей с собой христианство в Русскую землю.

Ярослав, ничего не зная о смерти отца, привел в Новгород варягов и расставил их по дворам². Пришельцы начали бесчинствовать; составился против них заговор, и последовало избиение варягов во дворе какого-то Поромони. Ярослав в отмщение за это зазвал к себе в Раком (близ Новгорода, за Юрьевым монастырем) зачинщиков заговора под видом угощения и приказал перебить. В следующую ночь за тем пришло ему из Киева известие от сестры Предславы о смерти отца и об избиении брать-

А.Д. Кившенко. Ярослав Мудрый. Чтение народу «Русской Правды»

Новгородская торговля

ев. Тогда Ярослав явился на вече (народная сходка), изъявлял сожаление о своем вероломном поступке с новгородцами и спрашивал: согласятся ли ему помочь. «Хотя, князь, ты и перебил нашу братию, но мы можем за тебя бороться», — отвечали ему. У новгородцев был расчет помогать Ярославу; их тяготила зависимость от Киева, которая стала бы еще тягостнее при Святополке, судя по его жестокому нраву; новгородцев оскорбляло и высокомерное поведение киевлян, считавших себя их господами. Они поднялись за Ярослава, но вместе с тем поднялись и за себя, и не ошиблись в расчете, так как впоследствии Ярослав, обязанный новгородцам своим успехом, дал им льготную грамоту, освобождавшую их от непосредственной власти Киева и возвращавшую Новгороду с его землей древнюю самобытность.

Ярослав выступил в поход против киевского князя в 1016 году с новгородцами, которых летописец насчитывает до 40 000; с ним было также до 1000 варягов под начальством Эймунда, сына норвежского князя Ринга. Святополк выступил против него осенью с киевлянами и печенегами. Враги встретились под Любечем и долго (по летописям, три месяца) стояли друг против друга на разных берегах Днепра; ни те, ни другие не смели первыми перебраться через реку; наконец киевляне раздражили новгородцев презрительными насмешками. Воевода Святополка, выехав вперед, кричал: «Ах вы, плотники этакие, чего пришли с этим хоромцем (охотником строить); вот мы заставим вас рубить нам хоромы!» — «Князь, — закричали новгородцы, — если ты не пойдешь, то мы сами уда-

Великий князь Владимир Мономах

рим на них», — и они переправились через Днепр. Ярослав, зная, что один из воевод киевских расположен к нему, послал к этому воеводе ночью отрока и приказал сказать ему такого рода намек: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много». Киевлянин отвечал: «Хотя меду мало, а дружины много, но к вечеру нужно дать». Ярослав понял, что следует в ту же ночь совершить нападение, и двинулся в битву, отдав такой приказ своей дружине: «Повяжите свои головы платками, чтобы отличать своих!» Святополк заложил свой стан между двумя озерами и, не ожидая нападения, всю ночь пил и веселился с дружиной.

Новгородцы внезапно ударили на него. Печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку. Новгородцы притиснули киевлян к озеру. Киевляне бросились на лед, но лед был еще тонок, и многие утонули в озере. Разбитый Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу, а Ярослав вступил в Киев.

Болеслав, прозванный Храбрым, стремился к расширению своих польских владений. Он увидел благоприятный случай вмешаться в междоусобия русских князей ради своей выгоды и в 1018 году пошел вместе со Святополком на Ярослава. Ярослав, предупреждая врагов, двинулся против них на Волынь и встретился с ними на берегах Буга. Тут опять повторился русский обычай поддразнивать врагов. Кормилец и воевода Ярослава Будый, скача по берегу, кричал, указывая на Болеслава: «Вот мы тебе щепкою проколем череву твою толстую». Не стерпел такого оскорбления храбрый Болеслав: «Если вас не трогает такой укор, — сказал он своим, — я один погибну», — и бросился вброд через Буг, а поляки за ним. Ярослав не был готов к бою, не выдержал напора и убежал с четвертьями из своих людей в Новгород.

Болеслав овладел Киевом, не возвратил его Святополку, а засел в нем сам и приказал развести свою дружину по городам. Киев представлял много привлекательного для завоевателей. Дань с подчиненных русских земель обогащала этот город; торговля с Грецией и Востоком накапливала в нем произведение тогдашней образованности. Жить в нем было весело. Болеслав хотел, пребывая в Киеве, править своим государством и отправлять оттуда посольства в Западную и Восточную империи. Но такое